

Первый интеллигент у власти после Ленина

Политическая стратегия Медведева

Дмитрий Фурман

От редакции. Как считают некоторые современные мыслители, стиль лидерства Дмитрия Медведева - это стиль интеллигента во власти. Так, каковы отличительные черты лидерской модели Дмитрия Медведева в сравнении с моделью лидерства Владимира Путина? В чем особенность политического стиля Дмитрия Медведева и насколько этот стиль может быть адекватно воспринят российским обществом и особенно российской бюрократией? Видит ли российская интеллигенция в Дмитрии Медведеве своего представителя во власти? Об этом «Русский журнал» спросил у российского историка Дмитрия Фурмана, автора нашумевшей статьи *«Республиканец на троне»*, посвященной стилю президентства Дмитрия Медведева.

Дмитрий Фурман – известный российский политолог, историк, религиовед, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, доктор исторических наук. Родился в 1943 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ, в советские годы в основном работал в области истории и социологии религии. В 1990–2000-е занимался проблемой сравнения политических процессов в странах СНГ. Дмитрий Фурман является острым критиком того политического направления развития, которое избрала Россия после августовских событий 1991 года. Утверждая, что в современной России отсутствует идеологическая альтернатива демократии, он вместе с тем придерживается точки зрения, что именно политика посткоммунистической власти сделала неизбежным отход от принципов конкурентной демократии. Открывая дискуссию о медведевском стиле лидерства, мы попросили Дмитрия Ефимовича более развернуто сформулировать его взгляд на отличие лидерской модели нынешнего президента от моделей его предшественников.

* * *

РЖ: Уважаемый Дмитрий Ефимович, как вы оцениваете модель политического лидерства Дмитрия Медведева в сравнении с моделями лидерства Владимира Путина и Бориса Ельцина?

Дмитрий Фурман: Три российских президента – Борис Ельцин, Владимир Путин и Дмитрий Медведев – олицетворяют три этапа эволюции нашего постсоветского строя. Это похоже на то, как в советскую эпоху Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев, Леонид Брежнев выражали собой опять-таки разные этапы эволюции советского общества. Причем человек типа Хрущева не был способен выполнить работу Ленина. А человек типа Ленина не мог появиться в эпоху Брежнева. Время требует определенного типа людей.

Это проявляется, с моей точки зрения, в том, что при назначении преемника и Ельцин и Путин не старались подобрать людей, максимально похожих на них самих. Скорее, даже наоборот – они

подбирали людей, не похожих на себя, но в целом более или менее соответствующих их пониманию нового этапа развития.

Ельцин с его неконтролируемым поведением, с его странными выходками представлял собой фигуру начальственного харизматика, самодура-революционера. Это был человек, который выполнил, прежде всего, работу по ликвидации союзного государства, ну и заложил основы нового государства, основанного на сочетании демократического «фасада» и личной власти «безальтернативных» президентов, в борьбе с реальными противниками, в которой ставкой была не только власть, но и жизнь. Но, когда он почувствовал, что вопрос встает так: или он продлевает свою власть и умирает очень скоро, или уходит, найдя себе преемника, и умирает немножко попозже, – он выбрал для себя второй вариант.

Ельцин понимал, что революционный этап уже позади, а для следующего этапа нужен другой человек, с другой психологией, который способен завершить строительство здания государства и сыграть роль такого «консолидатора». На что Ельцин был не способен ни в силу своих психологических особенностей, ни в силу своего прошлого. Его прошлое, его роль разрушителя делала его фигурой не консолидирующей. И он выбрал Путина. Он перебрал довольно много самых разных людей. Но в конце концов остановился на Путине.

Чем он руководствовался? Путин не безумный честолюбец, каким был Ельцин. Он, скорее, человек порядка, служака. Путин – человек, жестко контролирующий себя. У него могут быть срывы, как у любого, очень уж контролирующего себя человека, но это именно срывы, а не ельцинская «удаль». В случае с Собчаком он показал себя человеком, преданным своим патронам, то есть человеком, который не продаст сразу же, с ходу своего начальника и благодетеля. Кроме того, Путин – это КГБ, то есть человек, умеющий проводить спецоперации. Ельцин уже и ранее искал преемника, в общем-то, в круге спецслужб, поэтому еще ранее возникали фигуры и Степашина, и Примакова. В этом смысле выбор Путина был логичен.

Итак, в соответствии с новыми задачами и пониманием эволюции нашего строя и в соответствии со своими личными интересами Ельцин выбирает человека, не похожего на себя. И, в общем, то же самое делает и Путин.

При Путине система, скажем так, контроля власти над обществом, система «управляемой демократии» дошла до предельных возможностей своего развития. Она дошла до некоего предела. Дальше надо было или вообще отказываться от всякого демократического фасада: скажем, изменять Конституцию, становиться пожизненным президентом, превращаясь в главу нормальной «третьемировской» диктатуры. Но такое действие не имело бы достаточного идеологического подкрепления. Значит, нужно было остановиться. Опять же – до создания однопартийной системы тоже оставался всего один шаг. Но остановились и здесь. Вероятно, у самого Путина было смутное ощущение, что достигнут некий предел. И, решив уйти от президентства и организовать этот «тандем», Путин опять-таки выбирает человека, не похожего на себя. Во-первых, не выходца из спецслужб. Во-вторых, интеллигента. **Медведев – первый человек из интеллигентной семьи в руководстве Российского государства за много лет, со времен, наверное, Ленина.**

РЖ: *Вы все-таки предполагаете, что Путин и в самом деле ушел от власти, что президентство Медведева не является декорацией реальной власти Путина?*

Д.Ф.: Не знаю, как реально обстоят дела, и даже считаю, что бессмысленно пытаться проникнуть в эту тайную кремлевскую кухню. Но Медведев явно не ощущает себя пешкой или марионеткой. Я воспринимаю его как человека, который не является подставной фигурой. Он, безусловно, лоялен

своему прежнему шефу, он прислушивается к его мнению. **Тандем, он реален как тандем, и все-таки президент у нас Медведев.**

РЖ: *Можно ли сказать, что отказ от диктатуры был обусловлен влиянием Запада? Или президентство Медведева все же обусловлено внутренней динамикой российского общества?*

Д.Ф.: Я бы вообще не стал особенно разделять влияние Запада и внутреннюю динамику. Наша система – это система передающих друг другу власть президентов. Но она возникла сама собой, а не по какому-то идейному плану и никогда не имела никакого внятного идеологического обоснования, которое было бы альтернативно демократии и тем идеалам и принципам, которые были провозглашены в 1991 году.

Когда Путин и Медведев говорят о демократии, они вполне искренни. У них нет иной идеологической альтернативы. И Запад в этом отношении играет роль не просто какой-то «княгини Марьи Алексеевны», которая еще не ровен час чего скажет. **Запад – это та модель нормального общества, которая властвует в том числе и над сознанием творцов нашей системы.**

И создатели нашей системы – Ельцин и Путин – хотели сохранить и усилить свою власть, передать ее тем, кого они наметили в качестве преемников. Но это ценности не идеологического, а человеческого, личностного плана. Идеологически же и абстрактно они – сторонники демократии. А Медведев – совсем уж демократ, что не помешало ему продлить срок президентства.

РЖ: *Возможно, что причина наших демократических «откатов» – в выборе президентской модели власти, в которой риски поражения и, напротив, дары победы неизмеримо завышены?*

Д.Ф.: Причину и следствие вы, по-моему, меняете местами. При каких условиях была создана наша политическая система? Она оформилась после переворота 1993 года, когда Ельцин освободился от «угроз и противовесов» и сделал себе Конституцию в расчете на свою уже существующую, персоналистскую систему личной власти. Поэтому не в Конституции здесь дело. Сама система нашей персоналистской власти не Конституцией порождена. Наоборот, она породила нашу Конституцию и может существовать при разных конституциях.

РЖ: *А чем она порождена все-таки? Что является первопричиной появления той системы, которую мы имеем, – особенности национально-политического менталитета, специфика политического транзита или какие-то личные характеристики тех людей, которые пришли к власти в 1991 году?*

Д.Ф.: Самая главная причина становления у нас такой системы заключается, безусловно, **в психологической и культурной неготовности общества к демократии.** При этом в обществе **никакой идейной альтернативы демократии нет.** Когда нет возможности следовать нормам, а нормы воспринимаются как нормы, начинается имитация следования этим нормам. Наша система – это система имитации демократии. Она отличается от реальных диктатур военного типа, отличается от коммунистических систем, имеющих свою идеологическую базу, она отличается от традиционных монархий. Но эта система в принципе однотипна с тем, что есть в Белоруссии, с тем строем, который сложился в Казахстане и других азиатских республиках. Отличия, конечно, есть, и они значительны. Прежде всего, в России все-таки президенты два раза уступали свой пост, а в этих странах – нет. Но и в Белоруссии, и в Казахстане, и в России оппозиция ни разу не приходила к власти и система строится таким образом, чтобы она никогда и не смогла к ней прийти.

Беседовал Борис Межуев

30.11.09 13:02